

РОЛЬ СКОРИНИНСКИХ ИЗДАНИЙ В КОДИФИКАЦИИ НОРМ БЕЛОРУССКОГО ИЗВОДА КНИЖНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Д. Д. ПАВЛОВЕЦ

Восточнославянский просветитель, гуманист и первопечатник Ф. Скорина, посвятивший свою деятельность служению „людem посполитым“, принадлежал к тем деятелям эпохи Возрождения, которых Ф. Энгельс назвал „титанами по силе мысли, страсти и характера, по многосторонности и учености“ [К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, с. 346]. Он одним из первых признал сосуществование в тогдашней Белоруссии двух письменных языков: белорусского и книжно-славянского, или, по его терминологии, „простого русского“ и „славянского“. В своей деятельности Скорина не только стремился популяризовать религиозную литературу, но и демократизовать ее язык, сделать книгу доступной широкому кругу читателей на понятном ему языке. Он заложил новое отношение к языку священного писания, стремясь вывести его „из ограниченного круга церковной потребности и сделать достоянием тех общественных групп, которые не вооружены полнотой знаний языковой традиции или же освободились от них во имя новой более мирской культуры“ [Прудмовы, с. 11]. Заложенное Скориной новаторское отношение к языку религиозной литературы стало основополагающим в деятельности последующих белорусских книжников XVI–XVII вв., оставило глубокий след в восточнославянском языкознании. Оно во многом предопределило судьбу и развитие книжно-славянского языка в Белоруссии, трансформировавшегося в особый белорусский тип (извод).

Процесс адаптации книжно-славянских текстов к местным условиям продолжили последователи Скорины С. Будный, В. Тяпинский, Л. Карпович, Л. Зизаний, М. Смотрицкий, которые в своей просветительской деятельности полностью или отчасти перешли на использование белорусского языка. Белорусский извод книжно-славянского языка нашел свое логическое оформление в „Грамматике словенской...“ Лаврентия Зизания и „Грамматики славенския правильное синтагма“ Мелетия Смотрицкого. Благотворное влияние скорининских традиций на эти грамматики проявилось уже в том, что „виленская издательская школа, представленная типографиями Вильно и

сьве, подпала влиянию скорининской орнаментики... А в грамматике Зизания все застарки и некоторые заглавные буквы напечатаны с тех же виленских клиш е Скорины” [Шчакаціхін, 1926, с. 225].

В предисловии к грамматике Зизания, как и к Библии Скорины, подчеркивалась лавенствующая роль грамматики в изучении „семи свободных искусств”. Стремление Скорины совместить изучение этих искусств с религиозным просвещением нашло отражение в предисловии к грамматике Смотрицкого.

Влияние скорининских традиций в грамматике Зизания проявилось в использовании параллельных текстов на книжно-славянском языке и „простой мове” и написании отдельных частей грамматики в катехизической форме, напр.: *На колико разделяются согласная; На две. На простая и на сугубая* (76)¹. Влиянием Скорины можно объяснить толкование Зизанием отдельных лингвистических терминов на старобелорусском языке: *Колико есть частей грамматики; четыре: орфография, просодия, этимология и синтаксис. Толкование. Колико есть частей грамматики; чотыри: правописание, припело*², *истиннословие и съчинение* (56); *на колико частей разделяются писмена; на две: на гласная и съгласная. Толкование. Гласная суть писмена, котории голосъ з себе выдають. А съгласная, котории з себе голосу выдати, и без гласных нечого справовати не могутъ* (66). Такая интерпретация книжно-славянского текста с помощью „простой мовы” совпадала с практикой братских школ Белоруссии и Украины³. На это указывает и замечание Смотрицкого о том, что грамматика, кроме обучения правильному письму и чтению, научит „чтомое вырозумевати лашно, гды при ней (грамматике. — Д. П.) за повинным потщанием читаны будутъ звыклымъ школ способом славенские лекции и на русский языкъ перекладаны” (26, 3). Таким образом, уже в предисловиях к грамматикам Зизания и Смотрицкого наметилась их основная задача — кодификация результатов взаимодействия между книжно-славянским и белорусским народно-разговорным языками.

Грамматики Зизания и Смотрицкого объединяются со скорининскими изданиями одинаковой реализацией старославянских сочетаний плавных с редуцированными *ъ, ъ, в* в то время как в Острожской Библии сохранены архаические написания. Они кодифицировали в качестве нормы переход *ъ* в гласный полного образования *о* в приставочных дериватах с *въз-, съ-*.

¹Здесь и далее иллюстративный материал из грамматик Зизания и Смотрицкого приводится по книгам: [Зизаний, 1596; 1980]; [Смотрицкий, 1619; 1979].

²Термин *припело*, соответствовавший греческому *просодия*, Зизаний заимствовал у Скорины, см.: [Беркаў, 1968, с. 259–260].

³Подробнее об этом см.: [Медынский, прил. 2].

Тесная связь виленских грамматик с нормами изданий Скорины прослеживается в смещении в употреблении *ѣ* и *е*. Зизаний писал, что отдельные писцы вместо *е* используют *ѣ*, когда „*глаголють телесный вместо тѣлесный, о христе вместо о христѣ... нелепо же есть их употребление* (т. е. слов с *ѣ*. — Д. П.) (906). В одном из правил орфографии Смотрицкий предупреждал против смещения *ѣ* и *е* и наоборот. Это свидетельствует о тождестве *ѣ* = *е* в белорусском языке, оказывавшем влияние на правописные нормы книжно-славянского языка. В грамматиках Зизания и Смотрицкого, как и в скорининских текстах, не принято было употребление юса большого, хотя эта буква приводилась в алфавите. Ни Зизаний, ни Смотрицкий не знали звукового значения, передававшегося этой буквой. Зизаний отмечал, что юс большой обычно употребляли вместо *у* и *ю* южные славяне, а Смотрицкий указывал, что современные ему авторы не употребляли, „*место его ю довольно наверхую*” (11).

Грамматики Зизания и Смотрицкого узаконили написания *ги, ки, хи*, отражавшие непереходное смягчение заднеязычных, имевшее место в скорининских текстах, а позже распространившееся на профессиональную литературу. Такие написания соответствовали живому народно-разговорному произношению. Рассматривая склонение существительных женского рода на *г, к, х*, Смотрицкий утверждал, что в формах родительного падежа единственного числа и именительного-винительного множественного необходимо писать *ноги, руки, снохи*, а не *рукы, ногы, снохы*. Безосновательным, на наш взгляд, является утверждение, что данное правило направлено против „карпатоукраинского правописания (это означает и произношения)” [Horbatsch, 1964, с. 7]. Это правило следует расценивать как сознательное отступление Смотрицкого от традиционного правописания в пользу отражения особенностей народно-разговорного произношения, стремление кодифицировать один из орфографических приемов белорусского типа книжно-славянского языка, имевшего место в памятниках религиозной литературы того времени.

Грамматика Зизания чаще и последовательнее, чем грамматика Смотрицкого, передавала на письме отвердение шипящих, губных, *ц* и *р*, характерное для белорусского языка: *дверь, дщерь, вещь, есмь, конець, любовь, мужь, осмь, помощь, седмь* (Зизаний); *биющымь, бившимь, воеводичь, дверь, дождь, кровь, молочу—молочю, прошу—прошу, слышу—слышу, чудо, чудотворный, осмь, седмь—седмь* (Смотрицкий).

О различном произношении шипящих и *ц* в книжно-славянском языке и белорусской народно-разговорной речи свидетельствует рекомендация Смотрицкого писать существительные, оканчивающиеся на эти согласные, с юсом малым „ордографии деля”, а произносить

как с *а*, т. е. непалатально: *отца*=*отца*, *юноша*=*юноша*, *предотеча*=*=предотеча*, *обряца*=*обряца*, *мрежа*=*мрежа* (49б).

Для печатных изданий Скорины наряду с книжными написаниями *жд*, *шт* характерны также белорусские соответствия с *ж*, *ч*: *чуждии*, *вижъ*, *засмушение*, *паметаючи*. Такая особенность спорадически отмечена и в грамматике Смотрицкого: *вижю*, *навижю*, *нужю*, *прохожу*, *рожу*, *сежю*.

В результате влияния белорусского и украинского произношения Смотрицкий допускал написания *ри* вместо традиционного *рь* (*гримю*, *возгримю*, *возгримить*), которые в московском переиздании приведены в соответствие с русским произношением (*гремю*, *возгремить*).

Ознакомление с правилами правописания, установленными Зизанием и Смотрицким, показывает, что они узаконили орфографические приемы, свойственные белорусскому типу книжно-славянского языка. В морфологическом строе сближение норм скорининских изданий с нормами виленских грамматик в большей мере проявилось в системе существительного и глагола.

Специфической особенностью скорининских текстов было преобладание в них окончания *-и* в форме родительного падежа единственного числа существительных мягкой разновидности склонения на *-а*: *братии*, *земли*. Аналогичные формы как основные кодифицированы Смотрицким: *судии*, *пияници*, *Захарши*⁴.

Процесс взаимодействия одушевленных существительных мужского рода на *-о* и *-у*, имевший место в скорининских произведениях, отражен в кодификации параллельных форм дательного падежа единственного числа с окончаниями *-у/-ю* и *-ови/-еви* в грамматиках Зизания и Смотрицкого: *коню* -- *коневу*, *ною* -- *ноеву*, *лерею* -- *лереви*, *врачу* -- *врачеву*, *жерцу* -- *жерцеву*, *сыну* -- *сынову*. Такой параллелизм окончаний в этом падеже поддерживался общей тенденцией распространения форм с *-ови* в старобелорусском литературно-письменном языке во второй половине XVI—начале XVII в. [Булыка и др., 1979, с. 30].

Разрушение старой парадигмы склонения существительных на *-у* в грамматике Смотрицкого нашло свое отражение в вариантных формах предложного падежа единственного числа с окончаниями *-е* и *-у*: *о томъ сыне* и *сыну*, *но дому*.

Одновременно с древними формами именительного падежа существительных женского рода бывших основ на **-ѣ* и согласный, свойственных книжно-славянскому языку, Смотрицким употреблены формы винительного падежа: *любовь* -- *любѣ*, *неплодь* -- *неплоды*, *дщерь* -- *дщи*, *свекровь* -- *свекры*. Это свидетельствовало об индукции форм

⁴По замечанию Ф. П. Филина, эти формы распространились в русском и белорусском языках, см.: [Филин, 1972, с. 362].

винительного падежа, присущей восточнославянским языкам, и унификации разных типов склонений. В грамматике Зизания названные существительные выступали, как и у Скорины, только в новой белорусской форме, отражавшей отвердение конечного *в* и *р*.

В изданиях Скорины формы родительного падежа множественного числа и в женском, и в мужском роде имели окончание *-ей*. Несколько иную картину в оформлении этого падежа встречаем в грамматиках Зизания и Смотрицкого. Первый использовал в мужском роде в качестве вариантной или основной нормы формы с окончаниями *-ей*, *-ий*, *∅* (*конь – коний, северей, падежий, степеней*), а в женском вариантные с *-ий*, *-ей* (*нощий – нощей, костий – костей, матерей – материй*, но только *дщерей*); а второй – в мужском роде бывших основ на **-йо*, **-і* вариантные *-ей* и *∅* (*пастырей – пастырь, мятежей – мятежь, свидетелей – свидетель*) или одно из них (*господей, людей, Іерей, ходотай*).

К особенностям, отражавшим сосуществование белорусских языковых особенностей с книжно-славянскими, относится кодификация вариантных форм в родительном падеже множественного числа с новым окончанием *-овъ/евъ* и старым *∅* обеими грамматиками: *боговъ – богъ, снеговъ – снегъ, друговъ – другъ, жерцевъ – жрецъ, врачейъ – врачъ, греховъ – грехъ*. Такое явление было свойственно и скоринским изданиям.

Как отступление от книжной нормы следует рассматривать варианты формы в дательном падеже множественного числа существительных среднего рода в грамматике Зизания: *небесомъ – небесамъ, отрочатомъ – отрочатамъ, морямъ – моремъ, спасениямъ – спасениом*. Это свидетельствовало об активном и прогрессирующем распространении окончания *-ам/-ямъ* не только в белорусском литературно-письменном, но и в белорусском типе книжно-славянского языка.

Окончания трех типов, имевшие место в изданиях Скорины, кодифицированы грамматикой Зизания, предлагавшего в качестве нормы творительного падежа множественного числа вариантные формы с окончаниями *-ами/-ями*, *-ми* и *-ы/-и*: *оусты – оустами, отрочаты – отрочатами, небесы – небесами, снеги – снегами, дщерями – дщерми*, но только *Іерейми, коньми, морями, северми*. Относительно употребления форм этого падежа скоринским изданиям и грамматике Зизания противостоит грамматика Смотрицкого, предусматривавшая варианты окончания только для некоторых существительных мужского и среднего родов: *клеветами – клеветы, воинами – воины, друзьями – други, грехами – грехи, господы – господами, сыны – сынами, знаменми – знамени, древами – древы, сердцами – сердца*. Использование новых и традиционных книжных форм существительных в этом падеже в текстах грамматик составило соответственно у Зизания 63,7 и 36,3%, а у Смотрицкого 38,8 и 61,2. Зизаний отразил намеченную в скорин-

ских текстах тенденцию к разрушению старых типов склонений, выразившуюся в кодификации в качестве вариантной или основной нормы книжно-славянского языка восточнославянского окончания *-ахъ/-яхъ* в предложном падеже множественного числа: *Іереахъ – Іереохъ, небесахъ – небесехъ, отрочатахъ – отрочатехъ*, но только *северяхъ, моряхъ, матеряхъ, дочеряхъ*. Написания с новым окончанием составили в грамматике Зизания 70,8%, в то время как Смотрицкий сохранял здесь книжные формы.

Таким образом, система склонения существительных, представленная грамматиками Зизания и Смотрицкого, отражала особенности белорусского извода книжно-славянского языка, использовавшегося в изданиях Скорины и его последователей. Это был язык, который использовался в кругу представителей православного вероисповедания, книжно-славянская основа которого оказалась в определенной мере разрушенной в результате влияния белорусского языка. И если Скорина только разрабатывал нормы этого извода, то Зизаний и Смотрицкий узаконили их в своих грамматиках.

ON THE ROLE OF SKORINIAN EDITIONS IN THE CODIFICATION OF THE BYELORUSSIAN CHURCH SLAVIC LANGUAGE

D. D. PAVLOVETS

The article is devoted to the role of F. Skorina in the formation of the Byelorussian variant of the Church Slavic language. The author points out that the process of the adaptation of the Church Slavic texts to the regional varieties was continued by F. Skorina's successors – L. Zizany and Smotritsky. F. Skorina only created the codificational norms of the Byelorussian Church Slavic language. L. Zizany and M. Smotritsky reflected the norms in their Grammars.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс, Ф. Энгельс – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346.
Булыка и др., 1979 – Булыка А. М., Журавскі А. І., Крамко І. І. Гісторычная граматыка беларускай мовы. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1979.
Беркаў, 1968 – Беркаў П. Н. Скарына і пачатак ўсходнеславянскага вершаекладання. – В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968.
Зизаний, 1596, 1980 – Зизаний Л. Граматыка словенска. – Вильно, 1596 (факс. изд.: Київ, 1980).
Медьский, 1954 – Медьский Е. Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. Прил. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
Прадмовы – Прадмовы і пасляслоў Ф. Скарыны. – Мінск, 1968.
Филин, 1972 – Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – М.–Л.: Наўка, 1972.

Шчакацін, 1926 – Ш ч а к а ц і н М. Гравюры і аздобы ў выданнях Францішака Скарыны. – В кн.: Чатырохсотлеце беларускага друку. Мінск, 1926.

Horbatsch, 1964 – H o r b a t s c h O. Die vier Ausgaben der kirchenslawischen Grammatik von M. Smotryckij. – Wiesbaden, 1964. S. 7.

Гомельскі́й го́сударственный
университет

Сентябрь, 1984

Кафедра беларускага мовы